

ОТЧЕ НАШ

Рисунок Настасьи Поповой

Пасха — это тоже праздник, только старушечий, потому что он «божественный». Его отмечают только старушки и некоторые старики, а молодые — нет. Они отмечают Первомай. Но все равно, все не работают, ходят, как в другие праздники, в гости и дают друг другу вареные, крашеные луковой шелухой или марганцовкой яйца. Взрослые угощают ребятишек конфетами и пряниками, а мужики пьют бражку, потому что вино в этот день в магазин не привозят.

Бабушка в Пасху всегда с утра достает из своего сундука красивую юбку с кофтой, загодя приготовленное сладкое вино и шоколадку. Нарядившись, наливает в ложку вина, выпив, какает в нее Вовке. Вино Вовке не нравится, но зато потом ему полагается шоколадка, только обязательно нужно сказать — «Христос воскрес».

После семейного завтрака, за которым родители вместе с бабушкой выпивают по рюмочке такого же сладкого вина, бабушка укладывает в

сумку яйца, испеченный накануне и унесен круглый сладкий хлеб, пироги, конфеты и уходит почти на весь день в гости к таким же бабушкам.

Если гости приходят к ней, то тогда отец с мамой, уважив их и посидев с ними некоторое время за столом, собираются и уходят из дому, тоже почти на весь день.

Вовка в этот день вольноопределяющийся и может шляться с пацанами, если, конечно, повезет с погодой. В прошлом году, например, когда они хотели сходить на речку, посмотреть, крепкий ли лед и когда он может тронуться, пошел снег. Пришлось весь день сидеть по домам, перелетая, как стайка воробьев, из одного в другой, пытаясь найти себе хоть какое-нибудь интересное занятие. Но все интересное, как известно, происходит и находится на улице. Правда у Хураса они тогда здорово попрыгали с курятника, который на время самых сильных морозов дядя Петя внес в дом, да так и не вытащил до самой весны обратно в стайку. Куры ажно с ума сходили, хлопая крыльями, и то кидались на деревянную решетку, то забивались в самый угол небольшой, но крепко сколоченной клетки, когда она ходуном ходила под очередным «парашютистом». Витьке попало, когда в самый разгар веселья вошли родители, еще со двора услышавшие шум и подумавшие, что в дом забралась какая-то зверина. После короткого разбора полетов их заставили подмести разлетевшиеся из курятника по всей прихожей опилки и вытурили на улицу.

Сегодня погода была здоровская. Получив от бабушки в честь Пасхи горсть конфет и половинку большой шоколадки, Вовка за завтраком только чуток поклевал пирог с брусникой, взял со стола три самых крепких, на его взгляд, яйца и шмыгнул на улицу. С вечера он ни с кем из пацанов ни о чем не договаривался, а потому стал размышлять, к кому для начала сходить. Решил, что лучше всего сходить к Мишке, потому что вчера он хвастался, что научился открывать «Толикину тунбочку со всякими штуками», которую тот постоянно закрывает на маленький замочек. Толик наверняка не будет сидеть дома и уйдет куда-нибудь, и если Мишка не врет, то можно будет смело покопаться в сложенных в эту тунбочку сокровищах. Наверняка и свой пугач Толик тоже прячет в этой тунбочке. Конечно, потом, за то, что шарилась, можно огрести, но соблазн был слишком велик, и Вовка, придерживая неглубокие карманы курточки, оттопыренные конфетами и крашеными яйцами, побежал в сторону Мишкиного дома.

Толик был дома и, судя по тому, как он, сидя за столом, нетерпеливо поглядывал на родителей, которые в это время одевались у двери, уходить в ближайшее время куда не собирался. Вовка

заученно произнес «Христос воскрес», получил вместе с отзвучным «Воистину воскрес» крашеное яичко, скинул куртку, тут же расколотил яичко, стукнувшись с Мишкой, и незаметно положил его обратно в тарелку на столе, где вокруг кулича уже лежала половина яиц, битых с обеих сторон.

— А Толик чево не собирается, не пойдет, што ли, куда? — зашептал он Мишке, как только они отошли чуть в сторонку.

— Неа, он потом пойдет. Щас к нему должны парни прийти, и они вместе куда-то хочут. А тебе-то че? — уставился на него Мишка.

— Че, че — ты же сам сказал, что научился евою тунбочку открывать. Как уйдет, давай залезем, посмотрим.

— Не-е, я в иё больше лазить не буду. — Мишка почесал затылок.

— Че, попало, а он как узнал? — Вовка спросил это из сочувствия, а не из любопытства, потому что старшие откуда-то всегда все про них с Мишкой узнавали.

— Да я вчерась пугач оттудова взял, зарядил, а стрельнуть не успел, он домой пришел. Я ево и бросил обратно в тунбочку. А он вечером, када батя с мамкой дома были, достал, хотел тихонько пощелкать, а пугач как даст, а батя Толику как даст. Пугач забрал и выкинул. — Мишка вздохнул. — А Толик мне потом тоже как даст. Сказал, что если хоть раз еще тунбочку открою, еще хуже будет. А еще — чтобы я за то, что лазил туда, спер для него из дома спичек две коробки. Он же вчера сразу, пока баню топил, новый пугач в печке залил.

Еще раз вздохнув, Мишка вдруг оживился:

— А ты видел, куда батя в огороде пугач закинул. Вчера темно было, а седня все равно найду, пошли вместе искать.

Вовка немного поразмышлял и отказался. Во-первых, в огороде сейчас сплошная грязь, весь уделаешься, и дома будут ругаться. А во-вторых, если они и найдут пугач, то Мишка даст несколько раз стрельнуть и все, а потом сам один с ним ходить будет. Вот пусть сам один и ищет его в огороде. Пугач-то все равно его будет, хоть даже и найдут вместе.

Месить грязь в огороде одному Мишке тоже расхотелось. Размышляя, чем бы еще таким заняться, они съели, запивая холодным молоком, по свежеиспеченному, еще теплomu пирожку с черемухой. Расколотили без всякого интереса пару яиц из тарелки, потом Вовка достал из куртки те, что принес с собой, и после того, как их тоже расколотили, засобирались домой.

Бабушка как раз открывала калитку, когда Вовка подошел к дому.

— А ты куда? — поинтересовался Вовка на всякий случай.

— Да к Анке Мустафеевой собралась сходить. А тебе пошто, со мной, што ль, хочешь? — остановилась уже направившаяся к дороге бабушка.

— Хочу, — не задумываясь, ответил Вовка, хотя на самом деле сам не знал, хочет он с бабушкой к Анке Мустафеевой или нет.

— Домой зайди, скажи, со мной пойдешь, а ты потеряют. Я потихоньку пошагаю, а ты догонишь. — Бабушка полвечер взяла сумку и аккумуляторно, ступая по самому краешку дороги, где посуше, направилась в сторону дальнего конца деревни.

Забежав в дом и выпалив «Я с бабушкой», Вовка опрометью вылетел обратно, и не прошло и минуты, как он уже суетился возле бабушки, все так же мерно вышагивающей по краешку дороги.

Вовка знал, что Анка Мустафеева — очень близкая бабушкина, а значит, и всехная в ихнем доме родственница. Она жила возле пилорамы, почти у самого леса. Это для бабушки она — Анка, а для него баба Аня. У нее дочки умерли, а два сына не вернулись с войны, и никто не знает, где они. А еще один, самый маленький из них, жил где-то далеко, в Красноярске. Внуков баба Аня видела только один раз, и ей очень нравилось, когда Вовка обращался к ней так же, как к своей бабушке.

Не торопясь, незаметно, и оттого показалось, что скоро, они дошли до мустафеевского дома. Бабушка сказала Вовке, чтоб тот палочкой очи-

стил свои ботинки от налипшей грязи. У нее самой они были почему-то совсем чистые, но она все же тщательно протерла подошвы о брошенный у калитки голый березовый веник, а потом о тряпку у порога в дом. Вовка заведенный порядок знал, а потому точь-в-точь повторил все за бабушкой и в дом входил уже в чистой, хоть и слегка сырой обуви.

После традиционного христосования и обмена крашеными яйцами баба Аня сыпанула Вовке в подставленные ладошки горсть конфет и стала приглашать гостей пройти за стол, а не садиться на стулья у двери. Бабушка, как положено, немного поотнекивалась, а потом прошла и стала вынимать из сумки и выставлять на стол все, что принесла с собой. Теперь уже баба Аня стала говорить, что это ни к чему и что у нее все, слава Богу, есть. Пока они так друг дружку уговаривали, Вовка чинно присел к краешку стола и, глядя в окошко, стал размышлять, можно уже улизнуть отсюда на пилораму и поискать там чего или еще рано и надо дожидаться, когда бабушки сядут за стол и займутся своими разговорами.

Пока он так размышлял, баба Аня юркнула за штору, натянутую между стеной и печкой, и вышла оттуда радостная, держа в руках большую фотографию, поверху красиво окрашенную в розовый, синий и желтоватый цвет и украшенную рамкой, как из золота.

— Вот, Аганя, икону Христа-спасителя нашего купила, када зимой вязаны рукавички продавать в город ездила, — сообщила она торжественно.

Но бабушка никакой радости по этому поводу не высказала, а, наоборот, сурово поджав губы, спросила:

— Пошто тогда ее в чулане держишь, а не на божничке? Пошто вместо ее пусты занавески в углу висят?

— Дак не знаю, Ганя. Боюсь, мало ли што... Сама знашь. — Баба Аня даже голос понизила, отвечая.

— А што боисся-то? Партейных у тебя никого нету, чтобы имя дома икону держать нельзя было. Живете одне на двоих с кошкой. Ставь икону да молися сколь душа жалает. Не знает она. Тебя кто шибко кулачил, што така пугана? Я не припомню. Может, нонче Игорь, полномочный, когда самогонку по домам ищет, смотрит, есть у тебя иконы или нет, да грозит чтоб не было!

— Тебя тожеть не шибко-то кулачили. Подумашь, Тихон со двора коровенку да коня свел. Незарестовали даже и из дому не выгнали. — Баба Аня заговорила обиженно от того, что приобретение ее осталось неоцененным. И в то же

время покорно, потому что, действительно, молиться у них в деревне никто никому не запрещается. Все, как и она, сами как-то без молитв обходятся. Кто забыл, а в основном никто и не знал их никогда.

— А ты мое кулачено добро не считай. Али забыла, сколь я вам всего перетаскала, када твою кормильца не стало и у вас поесть и то не было? Када вы всемером на оден куль картошки остались.

Вовка, разинув рот, смотрел на бабушку. Он никогда не видел, чтобы она так сердито с кем-нибудь разговаривала. А самое главное, было бы за что. У нее самой икона в сундуке лежит. Только не такая красивая, как эта, а деревянная, без всякой рамки и такая темная, что на ней почти ничего не видно. Он сколько раз видел, как она ее доставала и разговаривала с ней, иногда даже плакала, а потом поцелует и обратно в сундук закроет. Вовка однажды не вытерпел и спросил, что она делает и почему плачет. Бабушка объяснила, что просит у Боженькиной матери, которая на небе, чтобы и у Вовки, и у папы с мамой, и у брата с сестрой, и у всех, всех, всех было все хорошо, а плачет потому, что ей всех жалко. Он засомневался — зачем всех жалеть, когда никто никого не обижает. К тому же небо вон где, а бабушка вот где, как же ее там Боженькина мать услышит. Бабушка погладила его по голове — услышит, мол, там всех слышат, а ее так особенно, потому что у этой иконы еще ее бабушка за нее просила. Оттого она сейчас и жива, и живет, ни в чем нужды не зная, и все дети ее с войны пришли. А жалеть всегда всех надо.

Вовка из объяснения тогда ничего не понял и через пять минут забыл про разговор, а сейчас вот, неожиданно, вспомнил и спросил у бабушки, тронув ее за рукав:

— А она на небо для бабы Ани лучше все будет передавать, чем твоя? Через нее все слышнее будет? Она же красивей.

Баба Аня аж засияла от Вовкиных слов:

— Будет, Вовочка, будет. Токо попроси, все передаст, все Боженька сделает.

Бабушка, как всегда, когда не знала, как Вовке что-то объяснить, погладила его по голове, помолчала и не то ему, не то просто так сказала:

— Конечно, лучше. Если бабу Аню не услышат, тада ково ж еще там слушать. Она ж за деток своих просит. Только одному Боженьке на небе и ведомо, где они и что с имя сделалось.

У бабы Ани вдруг затряслись губы, и из спря-
танных глубоко в морщинки почти бесцветных

глаз потекли слезы. Она быстро промокнула их кончиком повязанного на голову платка, протерла этим же кончиком икону и протянула ее Вовке:

— Нак, залезь на стул да поставь ее в уголок, стаканчик с вербочкой смотри не срони.

Вовка быстренько поставил икону на белую крашеную полочку, прибитую под невысоким потолком, поправил, как сказала баба Аня, стаканчик с веточками вербы и спрыгнул обратно со стула, решив, что самое время попроситься у бабушки сбегать на пилораму. Однако, пострел на бабушек, торжественно вставших перед иконой, точь-в-точь как его брат в клубе, когда в праздник выносил на сцену знамя, опять молчком присел в сторонке.

Недолго что-то пошептав, при этом непрерывно крестясь, бабушки наконец-то вздохнули и пошли к столу. Баба Аня, глянув на Вовку, спросила:

— Хошь, я тебя тоже молитве «Отче наш» научу. Она самая главная, ее все знать должны.

Бабушка, хотевшая было что-то сказать, еще рта раскрыть не успела, как Вовка уверенно заявил:

— А я и так знаю, тока не до конца.

Бабушка от таких слов вовсе онемела, а баба Аня живенько затормошила его:

— Ну давай, давай, чево можашь, а я тебе еще конфеток дам.

Другой раз Вовка, может, и заартачился бы, но тут уж больно захотелось показать, что и он эту молитву знает, да к тому же конфеты пообещали. И он, встав перед иконой, как только что стояли бабушки, стараясь, чтобы было похоже на то, что слышал по радио, затянул: «Славься, Отечество наше свободное, дружбы народов великий оплот! Партия Ленина — сила народная, нас к торжеству коммунизма ведет».

Домой Вовка с бабушкой возвращались далеко после обеда. Очень уж баба Аня не хотела его после той молитвы домой отпускать и все просила бабушку посидеть еще немного и приводить к ней Вовку не только по праздникам, а всегда, как он захочет. Навстречу им шли односельчане: кто, как они, возвращался домой, кто, наоборот, закончив дела, направлялся в гости. Вовка со всеми, как положено, здоровался и всем, так же как бабушка, говорил «Христос воскрес». Услышав в ответ «Здравствуйте» и «Воистину воскрес», вприпрыжку бежал дальше, с трудом примериваясь под бабушку, которая совсем не умела бегать или прыгать.

ОТСВЕТЫ

Здравствуй, вот увидела, что ты разжег костер, и подошла. — Она произнесла это тихо, словно сомневаясь в правильности своего поступка.

— Здравствуй. — Мужчина, сидевший на бревнышке у костра, легко встал и коротко, чтобы не было заметно, посмотрел на нее. — Это не я разжег, когда я сюда шел, костер уже горел. Хорошо, что возле него никого не оказалось, не хотелось мешать. Думал, подойду ненадолго, помнишь, мы же всегда здесь сидели.

Он снова незаметно глянул на нее и, не в силах отвести взгляд, замер, потом, смутившись, быстро отвернулся к огню и стал поправлять без того хорошо горевшие дрова.

— Помню, потому и пришла сюда. — Сделав вид, что не заметила ни его взгляда, ни смущения, женщина сама вдруг почувствовала подступившее, как в юности, и почти забытое с той поры волнение.

— Если б не горел, я бы разжег. Странно, развели и, оставив огонь, ушли. — Он уже справился со своей минутной неловкостью, но по-прежнему не решался поднять на нее глаза.

— Развели? Может, это был один человек? Не захотел сидеть в одиночестве и ушел... или ушла. — В ее голосе прозвучало что-то вроде обиды на то, что он не понял такую простую вещь.

— В наше время девушки не разводили костров на берегу реки, это была привилегия парней, — скрывая за нарочитой грубоватостью свою оплошность и вновь подступившее смущение, ответил он и бросил в огонь палку, которой шевелил угли.

— Наше время ушло, пора это принять и перестать спорить с нынешним, — выдохнула она никогда и никого не радовавшие, но верные в своей неизбежности слова.

Не возражая, он замолчал, что-то решая. Немного отодвинул бревно от жарко разгоревшегося пламени, жестом пригласил присесть, потом присел рядом и, чуть коснувшись, отодвинулся. Еще немного помолчал и, все так же глядя на огонь, ответил:

— Да я и не спорю. Просто... просто иногда так случается, что ты всем своим существом находишься именно в «нашем» времени, а для окружающих ты здесь, и они не замечают, что на самом деле ты далеко от них.

Наконец взглянул на нее и добавил:

— Вот как сейчас.

— Ты стал философом, раньше за тобой такого не замечалось, — улыбнулась она без всякой иронии, просто решив уйти от темы разговора.

Тем не менее оттого, что он надеялся услышать от нее совсем иное, его эти слова задели и он подчеркнуто уточнил:

— Раньше — это когда?

— Раньше — это... — Она чуть прикрыла глаза — ...сколько мы с тобой не виделись? Лет двадцать?

— Не делай вид, что не помнишь, — двадцать три года, но будем считать, что для тебя это действительно неважно. — Резко переломив очередную хворостину, попавшую под руки, он хотел бросить обломки в огонь, но, подержав, швырнул их обратно, откуда поднял.

Оба замолчали, испытывая неловкость и сожаление, что разговор не получается, и все оттого, что сначала искренние слова одного натываются на напускное безразличие другого, а потом наоборот.

— Ты завтра в школу придешь? — спросил он, когда пауза совсем затянулась.

— Конечно, приду, для чего ж я еще приехала. — Ее бодрый ответ, прозвучал так фальшиво, что он снова не удержался от колкости:

— А действительно, для чего?

— На тебя посмотреть! Я знаю, что ты на всех школьных встречах красуешься. — Она резко поднялась, досадуя на свою несдержанность.

— Посмотреть, как красуюсь? — Он усмехнулся. — Ну, смотри. Как мне развернуться, чтоб тебе было удобнее? — Его лицо в один миг как-то потускнело, плечи опустились, и весь он стал как продолжение старого, обожженного с краев бревна, на котором сидел.

— Прости. Я действительно очень хотела увидеть тебя, только не надеялась, что получится вот так вот встретиться и поговорить.

Она снова села.

— Думала, увидимся в школе, перекинемся парой фраз — и все.

— А я надеялся. Столько раз приезжал сюда, чтобы встретиться с тобой. Только не знал, что буду тебе говорить, и оттого боялся этой встречи. Каждый раз — надеялся и боялся.

Он чуть тронул ее руки, сложенные впереди так, будто она озябла.

— Как видишь, оказалось, это совсем не страшно. — Она смотрела на реку, никак не реагируя на его прикосновение.

— Да, оказалось, что не страшно. И не так, как я это представлял. — Он разжал ее руки и взял одну из них за ладонь.

— Я тоже думала, что будет по-другому. Посмотри: пламя костра тянется поперек течения, от одного берега к другому, туда, где под обрывом трепещет в волнах и рвется навстречу луна. Они вот-вот дотянутся друг до друга, и тогда луна исчезнет, растворившись в ярком пламени.

Она положила ему в ладонь вторую руку.

— Два огня, жаркий — земной и холодный — небесный, тянутся друг к другу, и им все равно, насколько это осуществимо и как это скоротечно.

— Это отсветы. То, что ярко светится в темноте на берегу или на воде, отражается от нее совсем иначе, чем выглядит в реальности, вырисовывая порой самые фантастические картины. С берега отсветы очень красивы, но тому, кто плавает, их красота неведома. Более того, отсветы мешают ему, так как кроме них ничего больше не видно.

Оба замолчали, глядя на воду, словно ожидая, что будет дальше.

— Если сейчас бросить в костер все дрова, что у нас остались, они дотянутся друг до друга, — вдруг заговорил он так, будто речь шла о людях, даже не просто о них, а о чем-то очень важном, происходящем с этими людьми. — К тому же неподалеку полно старого дровяного хлама, я сейчас принесу и подниму пламя до небес.

Он уже хотел встать, но она придержала его за руки, а потом, мягко освободив свои, поднялась.

— Не надо ничего. Мне пора идти, поздно уже, а я обещала тетке завтра помочь грядки прополоть. Надо будет встать пораньше.

— Ты сейчас уйдешь только потому, что завтра надо полоть теткины грядки?! — Он встал и крепко схватил ее за руки.

— Да, и поэтому тоже. — Это было сказано совершенно обыденно, как будто не она только что так романтично описывала отражения на воде. — А ты ожидал, что я буду здесь в приступе ностальгии до утра перебирать с тобой прошлое?

Его руки сразу же непроизвольно опустились, и он молча ушел к кромке воды, где начинались отсветы. Посмотрел на противоположный берег, наклонившись, зачерпнул из светящейся дорожки пригоршню воды, вылил ее обратно и, будто разговаривая сам с собой, сказал:

— Вблизи — никакой красоты.

Потом повернулся к ней и прокричал:

— Я не знаю, что я ожидал! Что может ждать человек, давно страдающий астмой, когда ему вдруг скажут, что завтра ее весь день не будет!

Она тоже подошла к воде и встала чуть в стороне, рассматривая его, стоящего в отсветах дальнего пламени, не скрывая своего откровенного взгляда.

— А ты действительно сильно изменился. Те, кто тебя давно не видел, это сразу замечают. Я имею в виду не внешность — ты сам по себе стал другим.

Нисколько не смущаясь изучающего взгляда, он шагнул ей навстречу:

— По счастью, ты не изменилась. По-прежнему стараешься казаться иной, чем есть на самом деле. Играешь роль, не замечая, что время, которое ты считала зрителем, давно стало режиссером.

— Зачем ты так. Я ведь не скрываю, что и приехала из-за тебя, и сюда пришла из-за тебя. — Она была готова заплакать от обиды и несправедливости его слов.

— Тогда почему уходишь?! — Он почти грубо схватил ее за плечи, прижал к себе и посмотрел ей в глаза, ища в них хоть какую-то надежду на то, что она не уйдет. Пусть дразнит, пусть злит — только не уходит.

Спокойно отстранившись, она так же спокойно вновь прижалась к нему, положив голову на плечо:

— Наверное, я буду жалеть о своем сегодняшнем поступке. Но наша встреча — всего лишь отсветы, красивые и недолгие — только до тех пор, пока горит этот костер или пока длится эта ночь.

— Но должны же быть в жизни и отсветы, чтобы, пусть даже один раз полюбовавшись ими, не забыть их уже никогда. — Не слова, тоска, которую он прятал в самой своей глубине, вдруг вырвалась наружу. Не зная, как дальше поступить и что еще сказать, он замер, руки соскользнули с ее плеч и вновь повисли безвольными плетями.

Она очень осторожно провела ладошкой по его щекам, будто вытирала слезы, и по-прежнему не отрываясь от него, прошептала:

— Ты прав. Вот сейчас мы и вспомнили те отсветы, которыми любовались здесь много лет назад. И вполне достаточно того, что оба помним их. А теперь до конца дней я не забуду еще и сегодняшние.

Превозмогая себя, отступила от него, повернулась, чтобы уйти, но тут же остановилась и после секундного размышления вновь обернулась:

— Я завтра не приду на встречу. С утра прополю теткины грядки и уеду. Такси вызову и...

— Я увезу тебя, я на машине, — предложил он, предвидя ответ.

— Знаю, не надо, я не хочу. Спасибо тебе, мой хороший.

— За что?

— За отсветы.